

РЕЦЕНЗИЯ

на трехтомный роман-эпопею «Семейный календарь, или Жизнь от конца до начала», не вышедший до конца, которого при жизни так и не дождался его автор Леонид

Кн. обозрение. — 1994. — 29 нояб. — с. 141.

Сегодня я узнал, что умер Леонид Лиходеев. Умер гений, как и всегда в России — несчастный и почти непризнанный, хотя и всенародно известный. Ибо несчастье его было традиционно российским — горем уму.

Говорят, что человечество делится на тех, кто ушел от нас, и на тех, кто живет с нами. Но с теми, кто живет сейчас, остаются и великие мертвые. Лиходеев принадлежит к великим мертвым, и я не знаю, сколько веков останется он жить вместе с человечеством, когда и самых молодых наших современников уже не будет.

Мое убеждение зиждется на том, что я, как мне кажется, хорошо знал его и потому сильно любил. Мне выпала честь и досталось счастье — да простят мне этот старомодный оборот, но Леонид Израилевич любил старомодные обороты, — так вот, мне выпало счастье быть рецензентом всех трех книг его великой эпопеи «Семейный календарь, или

Жизнь от конца до начала». Не скрою, с самого начала и до конца я был его панегиристом. И когда читал, меня не оставляла мысль, что передо мной новое выдающееся литературное достижение, достойное Нобелевской премии.

Как-то однажды беседуя с ним, осмелев, я сказал об этом, но он тихо и застенчиво улыбнулся, как умеют немногие, истинно скромные люди, опустил глаза и сказал:

— Да полно вам.

А мне показалось, что он ждал хоть какого-то внимания к этой книге, которая была главным делом его жизни.

И когда я, почти единственный, опубликовал рецензию на первый том этой эпопеи в «Книжном обозрении», то, набравшись духа, позволил себе выстроить некий аксиологический ряд и роман Лиходеева поставил на третье место среди многотомных русских шедевров, утверждая, что на первом месте стоит «Война и

мир», на втором — «Тихий Дон», а следом идет лиходеевская «Старуха» — так он сам в разговорах называл свою эпопею, — оттесняя на четвертое и пятое места «Жизнь и судьбу» Гроссмана и «Хождение по мукам».

Мне было приятно, когда дочь Василия Гроссмана, Катя, встретившись после этой рецензии в Переделкине, без малейшей обиды сказала: «А вы правы». Ибо она была справедлива, имела хороший литературный вкус и, кроме того, любила Лиходеева-писателя.

Но Лиходееву не только не дали Нобелевской премии, как, впрочем, и не дали ни одного из других, даже самых престижных, и почти совсем не откликнулся на выход двух первых книг его удивительной трилогии.

Впрочем, теперь это кажется мне закономерным, ибо он, солдат Великой Отечественной, окопник и начинающий фронтовой журналист, мужественный и честный, человек дол-

га, не получил ни одного ордена, как не получил он и ни одной литературной награды. И в этом он подобен Высоцкому, который тоже был знаменит на весь свет, но не имел от страны, в которой жил и которой служил до конца, ни орденов, ни званий.

Я знаю, что самой жгучей его обидой и самым страстным его желанием было почти единственное — увидеть третий том своей эпопеи. Третий том набрали, но не было денег опубликовать его. И было много причин, не отказывая напрямую, просить Леонида Израилевича немного подождать.

Он не дождался. Так выполним же это желание хотя после его смерти. Иначе мы и дальше будем оставаться страной нереализованных возможностей. И одной из этих нереализованных возможностей станет неизданная нами третья книга его великой эпопеи, из-за которой Россия могла бы иметь еще одного Но-

белевского лауреата, но упустила и эту возможность.

Автор этой рецензии-некролога приносит благодарность редакции газеты, которая опубликовала ее, после того как газеты литературные под разными благовидными предлогами ее отклонили.

Однажды в Переделкине в разговоре со мной, положив мне руку на колени, Леонид Израилевич сказал: «Я писал эту книгу 21 год и, наверное, не написал бы ее, если бы не мои друзья. Прежде всего, конечно, Надя. Но и многие другие тоже. Я начал ее в 69-м году и совершенно не верил, что она выйдет при моей жизни. Как-то я сказал об этом Натану Эйдельману, и он ответил мне: «Леня, оптимистом быть трудно. Гораздо легче быть пессимистом. Но ведь это пошло». И хотя сегодня, сейчас, оптимистом быть еще труднее, все же, стиснув зубы, останемся оптимистами, надеясь и веря.

Вольдемар БАЛАЗИН.

29.11.94

Лиходеев Леонид